

В. Рогачев

КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ И КАТЕГОРИЯ «ПАМЯТЬ ДЕТСТВА»

Владимир Александрович Рогачев (1940–2004), окончив с отличием Петрозаводский университет им. О. В. Куусинена, защитив там после аспирантуры кандидатскую диссертацию «Советская детская стихотворная книга 1920-х гг.» (1973 г.), работал сначала в Тобольском государственном педагогическом институте, а с 1974 г. до последних дней жизни — на кафедре русской литературы Тюменского университета. Вел курсы теории литературы, введения в литературоведение, детской литературы, современной российской литературы. Подготовил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Система жанров русской детской поэзии 1920-х гг.», разработал и ввел в научный оборот категорию «память детства», которая, по мнению специалистов, может «послужить основанием для разработки на уровне комплексного подхода особого направления в изучении детской и юношеской литературы» (Е. М. Неелов). Он автор более 60 научных работ по теории и истории русской детской литературы, русской поэзии. Его статьи печатались в журнале «Детская литература», сборниках Петрозаводского, Свердловского, Тюменского университетов. В 1990 г. вышла монография «Проблемы становления и развития русской советской детской поэзии 1920-х гг.: Жанрово-стилевые аспекты» (Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990), научно-критический очерк «Гармонии начальные уроки: О художественности детской поэзии» (Тюмень, 1990).

Последнее десятилетие развитие научно-критической мысли отмечено целым рядом теоретических конференций и публикаций, активно и концептуально обсуждающих идейно-эстетические проблемы литературной критики.

В теории и истории литературной критики советской детской книги также идет полоса интенсивных поисков. Но пока здесь больше вопросов и проблем, чем установившихся точек зрения, достаточно выверенных координат.

Авторитетные авторы одного из недавних сборников правомерно утверждают необходимость ускорения и интенсификации научно-критического осмысления проблематики и поэтики нашей детской литературы, настаивают на диалектическом единстве эстетического

и педагогического критериев в оценке произведений, адресованных детям и юношеству (Михалков С. В., Полозова Т. Д.). Как во «взрослой», так и в «детской» критике, все большее внимание специалистов в последнее время привлекает проблема идейно-эстетической специфики критического суждения, интерпретации художественного произведения. Л. И. Емельянов справедливо усматривает в последней своеобразный «перевод» той или иной книги на язык критики, создание ее научно-аналитического эквивалента с учетом всех существенных, идейно-значимых сторон произведения, когда в самой полной мере отражено объективное содержание, выраженное автором. М. Н. Эпштейн, суммируя теоретические наблюдения, приходит к выводу, что «интерпретация основана на принципиальной “открытости”, многозначности художественного образа, который требует неограниченного множества толкований для полного выявления своей сути и способен к долгой исторической жизни, обогащая его новыми значениями. Интерпретация — необходимый функциональный компонент самого образа, его структуры, к которым она относится как актуальное к потенциальному, временное к вечному, частичное к целостному» [Эпштейн 1978, стлб. 330].

Если применить критерии, принципы такого подхода к художественной системе советской детской литературы, к ее поэтике и специфике, то следует сразу же указать на те устойчивые нормативные реалии формы, которые имеют качественно неповторимый «цеховой» характер, составляющий суть критического анализа художественности искусства слова, обращенной к детской и юношеской аудитории. Особенно четко они были представлены И. Мотяшовым в его труде «Путь к книге» [Мотяшов 1964]. Это категории художественной дидактики, памяти детства, игровой и комической доминант, динамичного и увлекательного сюжета.

Поскольку в научно-критическом плане поэтика детской литературы тоже пребывает в пленках, о чем дружно и не одно десятилетие заявляют критики, писатели, литературоведы, видимо, имеет смысл подробнее обозначить современное понимание такой важной категории, как «память детства». В работах С. Михалкова, И. Мотяшова, И. Лупановой, Е. Путиловой и др. авторов она определяется как этико-художественная позиция автора во взаимоотношениях с юными героями, позволяющая ему так выстраивать проблемно-тематический ряд произведения, оценку событий и конфликтов, характер общения персонажей, что все это убедительно увязано с восприятием того или иного возраста, его уровнем знаний и жизненным опытом. Уместно

привести и образную формулу Януша Корчака, по которой до детей нам надо расти, опускаясь перед ними на цыпочки. Поскольку полное растворение писательской «памяти детства» (пусть в художественном отражении) угрожает издержками известной болезни под названием «инфантилизм» с примесью не всегда нужного этического максимализма, то положение спасает типологическая триада этой категории, ступени которой можно представить как: а) «память детства» писателя; б) «память детства» героя; в) «память детства» читателя. Аргументация триады методологически почерпнута у М. Бахтина и из работы А. Левидова «Автор—образ—читатель» [Левидов 1983]. Отдельные стороны наблюдений принадлежат И. Горохову, студенту моего семинара в Тюменском университете, защитившему на этом материале свою дипломную работу в 1978 г.

Последнее подразделение («память детства» читателя) заключено в дуализме авторского сознания, определенного спецификой детской литературы, в отличие от «взрослого» мастера, мало озабоченного проблемой возрастного адреса. Диалектическая двойственность творческого поведения, кстати, не исключая «большую» литературу (к примеру, детский мир в произведениях Ф. М. Достоевского или Л. М. Леонова), задает ту необходимую дистанцию в отношении всего художественного целого, когда автор не упрощает, не вульгаризирует свой жизненный и поэтический опыт, свои идеи и принципы, свой идейно-эстетический идеал, стремясь добиться нужного ему понимания юным читателем, а находится рядом с героем и немного впереди, честно играет в сверстника, «отстраняется» от этой игры, чтобы органично перейти на оценочный уровень мысле-действия. В диалектике взаимопроникновения трех указанных сторон «памяти детства» сущностно раскрывается тайна образа Тимура в знаменитой повести А. Гайдара, «память детства» Натки Шесталовой («Военная тайна») обогащает «память детства» маленького Альки, и, хотя именно Натка рассказывает Сказку о Мальчише-Кибальчише, одновременно она как бы рассказывается им самим.

Итак, «память детства» автора — его прошлое — настоящее, его позитивный этико-социальный опыт, художественно перебрасываемый по мосту «овзросления» собственного детства в будущее юного героя, не навязывая, не поучая, а убеждая, советуясь, соизмеряя с тем, что этот человек — другой, другого времени, времени дальнейшего нашего развития на земле, в конкретной стране, в конкретной эпохе, что непременно должен учитывать и детский писатель и критик. Это трудная черта их мастерства — постоянно выступать

Владимир Александрович Рогачев

художественным футурологом нового поколения, которому еще предстоит реально определяться в жизни. Вот почему оправданно выделение «памяти детства» героя, коренящееся в идейно-эстетической функции категории будущего социалистического реализма, в той проекции его героев в идеально-реальное, но завтрашнее, о которой думали и размышляли А. В. Луначарский, А. М. Горький, А. А. Фадеев.

И, наконец, «память детства» читателя — необходимая дань настоящему состоянию детской жизни, которая не менее сложна, драматична или счастлива, чем взрослая. К примеру, у подростка 1970–1980-х гг. социальные психологи подметили такую важную грань общения со сверстниками в неформальной группе, когда непризнание юного индивида «своим» окружением таит в себе острейшую личную драму, отсюда асоциальные формы самоутверждения юных (эпатаж, хулиганский поступок, ложная порука и др.). Интересно анализирует подобное состояние современного подростка наследник гайдаровских традиций свердловский прозаик Вл. Крапивин (трилогия «Мальчик со шпагой»), кстати, удачно выступающий и в критике.

Самое талантливое художественное преломление категории «память детства» заключено в классической прозе А. Гайдара. Его называли «взрослым ребенком». Многие любили и любят детей, играют с ними, но немногим дети (как Гайдару) уступают место ведущего. Его авторская память детства помогла вложить в «Школу» весь ранний опыт собственного пути, революционной юности, поры своего

становления [Смирнова 1961, с. 61]. «Самый отбор материала, жизненных впечатлений... свидетельствуют о зрелости и силе художника, о его мудром расчете на уровень знаний, жизненного опыта и на особенности восприятия детей» [Ивич 1967, с. 269].

В. Смирновой принадлежат тонкие наблюдения над мастерством замечательного писателя. Для нас особенно важно критическое и исследовательское понимание гайдаровской прозы как авторского стремления к целостному воссозданию образа юного человека, раскрываемого не просто в действиях, поступках, отношениях, но в психологически мотивированных размышлениях, монологах, также полных движения, активности. И память детства в числе других важных компонентов художественного мышления автора выступает связующим звеном между различными сторонами того или иного рассказа или повести.

Остановимся лишь на знаменитой «Голубой чашке», ибо рассматриваемое понятие имеет здесь уникальное идейно-художественное значение. В поэтическом мире этого шедевра, полного лиризма, сказочности, полутонов, подводных течений, образ автора откровенно и предельно приближен к сознаниям героев, равноправно, в символической повествования, через память детства общается с персонажами и читателем. Символика, конечно же, в той или иной степени присуща многим вещам А. Гайдара, но в «Голубой чашке» она впервые становится доминантным стилиобразующим началом, словесно овеществляя интересующее нас понятие. Знаком нам по повестям мастера символ Красной Армии, легко догадаться о символическом названии рассказа — надежде на прочный и дружески семейный мир близких по духу людей. Но, углубляясь, видишь солнечное, доброе начало в рыжих волосах и рыжих сандалиях Светланы. Два отрывка: 1) «Потом забеспокоились мы, когда потемнело небо. Сбежались отовсюду облака. Окружили они, поймали и закрыли солнце. Но оно упорно вырывалось то в одну, то в другую дыру. Наконец вырвалось и засверкало над огромной землей еще горячее, ярче». 2) «Я спрятался за кустом и увидел, что рыжеволосая Светлана стояла перед цветами, которые поднимались ей до плеч...» [Гайдар 1972, 2, с. 283; 284; 286].

Так авторская память детства, смыкаясь с реальной детской памятью, памятью текучей, становящейся, движущейся, развивающейся, высвечивает жизнеутверждающее начало всего поэтического строя произведения. Но автору мало подчеркнуть эту сторону мира — в контрасте мы находим и черного усатого рака,

забывшегося в страхе при виде нестерпимо яркого солнца и рыжей девочки, и старого серого гуся.

Тема доверия к семье, с которой начинается рассказ, по верному наблюдению А. Западова, «приобретает подлинно гражданское звучание... раздается призыв доверять людям, чья честность проверена временем, и отбросить подозрительность, причину общих несчастий» [Западов 1972, с. 277]. Рассказчик предпринимает свое путешествие со Светланой — путешествие за правдой, чтобы в общении с ребенком и со всем миром честно прийти к справедливой мысли о ложности своего ревнивого поведения, о той беде, которая могла бы разразиться по-настоящему из-за его подозрительности. Но в мир он идет с девочкой, и память детства становится конструктивным проводником, задерживает взрослого, решившего было «уйти насовсем далеко», ибо «ни один цветок из целого миллиона не нагнулся и не кивнул головой» [Гайдар 1972, 2, 286]. И тогда отец рассказывает Светлане о своем знакомстве с Марусей, рассказывает, чтобы уже окончательно убедиться в своей неправоте. И здесь же девочка говорит о том, как смотрят, когда любят. Мудрость юного познания — отношения к жизни, светлая глубина простых слов о том, мало ли кто на кого понапрасну плохо думает. Возвращение состоялось, состоялось (по А. Западову) первый конец рассказа, который ведет ко второму — о том, что жизнь была и есть в своей сути совсем хорошая.

Так, память детства, выступая в символическо-конструктивной форме, объединила в гайдаровском рассказе детский и взрослый пласты сознания, позволила художнику через микро-конфликт (семейный) показать макромасштабы действительности 1930-х гг.: деятельное переустройство мира в советской стране, приближавшаяся угроза фашизма, наконец, философски представить главную цель человеческих поколений: счастье семьи — счастье родины — хорошая жизнь.

Триединство всех фаз «памяти детства» в повествовании А. Гайдара уже тогда приблизило детскую прозу к лучшим образцам «взрослой» литературы, впервые выступило в роли доминантного стилиобразующего фактора, углубив содержательность поэтики «Голубой чашки».

Всем памятна «Школа» писателя. Но есть и «школа» уникальной художественности его вещей, школа поэтического мышления, в которой в роли ненавязчивого Учителя в нужный момент выступает Память детства, столь важная для критико-научной интерпретации произведений, адресованных детям и юношеству.

Примечания

Опубликовано в: Проблемы литературно-критического анализа: Сборник научных трудов. Тюмень, 1985. С. 31–36.

Источники

Гайдар А. П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Детская литература, 1972. Т. 2.

Исследования

Западов А. В глубине строки: о мастерстве читателя. М.: Советский писатель, 1972.

Ивич А. Воспитание поколений. М.: Детская литература, 1967.

Левидов А. И. Автор — образ — читатель. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983.

Мотышов И. Путь к книге: о руководстве детским чтением. М.: Знание, 1964.

Смирнова В. Аркадий Гайдар: критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1961.

Эпштейн М. Интерпретация // КЛЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 9.

ОБЗОРЫ

Л. Рудова

РАСШИРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДЕТСТВА

Отчет о работе группы на ежегодной международной конференции славистов ASEEEES в Сан-Антонио, Техас, 20–23 ноября 2014 г.

ASEEEES (Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies или Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований) — крупнейшая международная научная организация, объединяющая исследователей, занимающихся дисциплинарным (история, политика, литература, кино, лингвистика и др.) и междисциплинарным (культурология, гендерные исследования, сравнительное литературоведение и др.) изучением России, бывшего СССР, а также стран Восточной и Центральной Европы. Ассоциация была основана в 1948 г. и в настоящий момент насчитывает около 3000 членов. В сферу основной деятельности ASEEEES входит публикация авторитетного научного журнала *Slavic Review* (Славянское обозрение), имеющего около 3800 читателей, и организация ежегодных международных конференций на территории Северной Америки. *Slavic Review* — рецензируемый журнал, публикующий оригинальные научные статьи по дисциплинарным и междисциплинарным исследованиям, а также рецензии на новые книги и обзор и критику современных научных направлений и трудов в области славистики и евразийских исследований.

Ежегодные конференции ASEEEES представляют собой обширный форум для обмена мнениями, информацией и исследованиями ученых-славистов разных стран. Обычно в конференции принимает участие около 2000 ученых и аспирантов. Основной рабочий язык — английский, но ограниченное количество секций и круглых